

заціи народа и, слѣдовательно, народничества. Но народничество Толстого весьма своеобразное. Это, по мѣткому замѣчанію проф. Овсяннико—Куликовскаго,—барская разновидность народничества, при которой старыя соціальныя отношенія всего менѣе поколеблены: между бариномъ и мужикомъ, по прежнему, не стоитъ никакое третье лицо, идиллія не нарушена... „Мужичокъ“ взять самый благодѣтельный и крайне удобный для барскаго спокойствія. Толстой не видѣлъ трагедій въ отношеніяхъ господъ и рабовъ. Въ его произведеніяхъ нигдѣ нѣтъ картины ужасовъ крѣпостного права. На вопросы, почему онъ игнорировалъ, Толстой отвѣчалъ, — „потому что я ихъ не видалъ, а чего не видалъ, того я изображать и немогу“. Отвѣтъ правдивый и искренній. И дѣйствительно, Толстой не видалъ ужасовъ крѣпостного права въ своей средѣ. Въ дѣтствѣ онъ никогда не видѣлъ и не слышалъ про сѣченіе дворовыхъ крестьянъ. Но рядомъ съ этими законными основаніями отказа изображать то, что не видѣлъ, у Толстого были и другія инстинктивныя побужденія. Идиллія барско—крестьянскихъ отношеній была не чужда его психологіи. И это не случайность, что изъ массы крестьянскихъ типовъ Толстой обратилъ вниманіе на Каратаева,—скромнаго мужичка, настоящую божью коровку, тихаго и смиреннаго, покорнаго судьбѣ, неспособнаго воды замутиль. Съ такимъ мужичкомъ пріятно и спокойно имѣть дѣло: ни совѣсти вашей онъ не взволнуетъ, ни амбаровъ не подождетъ, ни бунта, ни аграрныхъ безпорядковъ не устроитъ. Не даромъ и славянофилы въ своемъ барскомъ народничествѣ охотно проповѣдовали смиреніе, будто-бы составлявшее самую истинно русскую и христіаннѣйшую особенность русскаго народа.

Согласно представленіямъ Толстого Каратаевъ—фаталистъ. „Рокъ головы ищетъ“—говоритъ онъ, отъ судьбы не уйдешь; отъ сумы и тюрьмы не зарекайся. Каратаевъ такъ и сыплеть народными пословицами, которыя освобождаютъ его отъ необходимости думать. За Каратаева думаетъ весь народъ и Каратаеву остается только сливаться въ своихъ настроеніяхъ и переживаніяхъ съ народомъ. Жизнь для него имѣла смыслъ только въ сліяніи съ цѣлымъ, которое онъ непрерывно чувствовалъ, и отъ котораго онъ получалъ свою радостную покорность судьбѣ. Каратаевъ былъ всегда радостенъ, веселъ, смиренъ, покоренъ провидѣнію, безъ воли котораго съ человѣческой головы не упадетъ ни одинъ волосокъ. Рокъ головы ищетъ! И это признаніе высшаго суда, эта покорность факту, эта пассивность и бездѣятельность восхищали Толстого, видѣвшаго здѣсь высшее разумнѣе смысла жизни.

Сліяніе съ цѣлымъ, радостное переживаніе за одно съ этимъ цѣлымъ всей его жизни и безропотное воспріятіе зла—вотъ настроенія Толстого, цѣликомъ предвосхищающія его будущія этическія и соціальныя теоріи „Исповѣди“, „новаго толкованія евангелія“, они уже опредѣляются въ „Войнѣ и мирѣ“